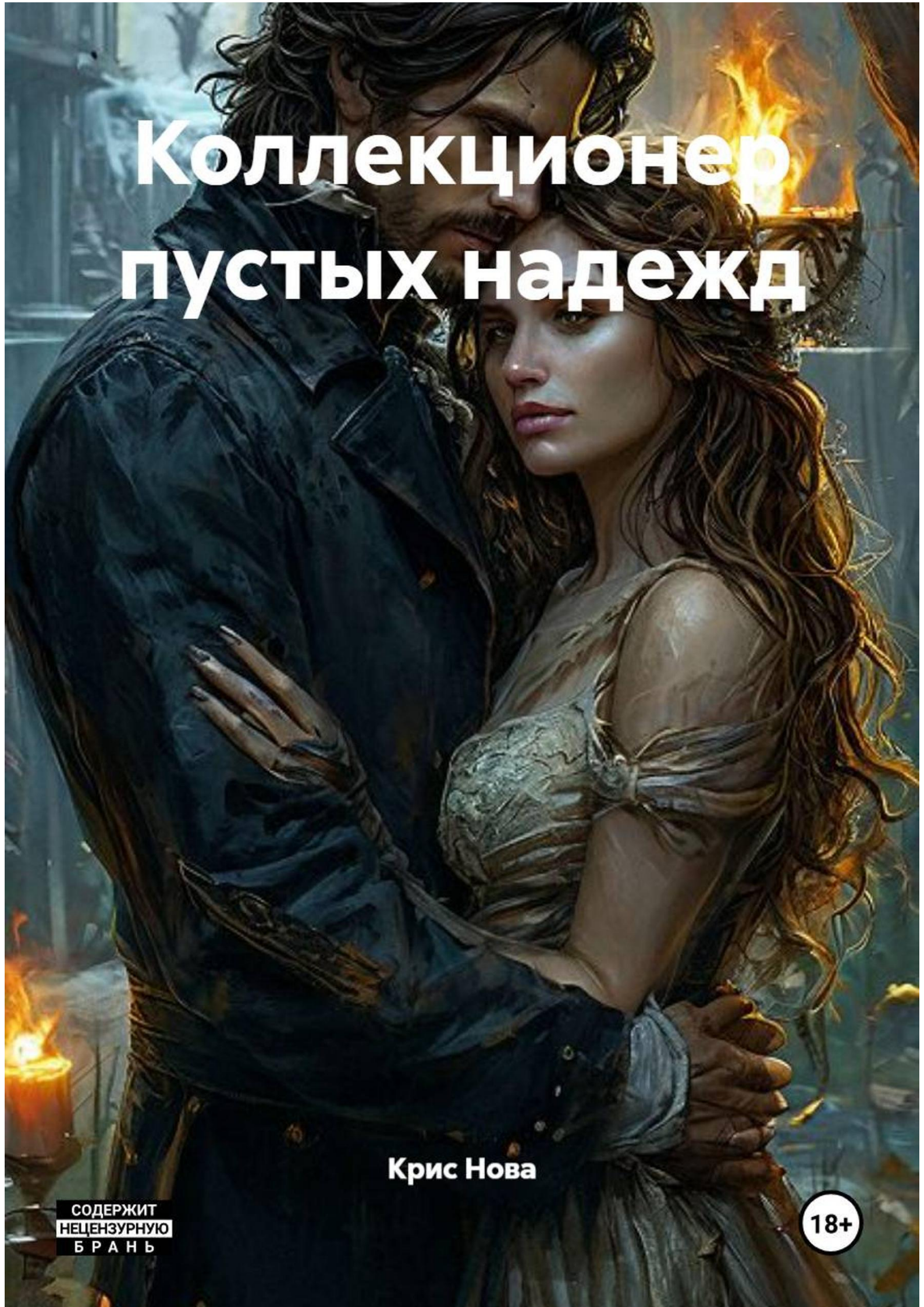

The background of the cover is a detailed illustration. A man with long, dark, wavy hair and a beard is shown from the chest up, wearing a dark, textured coat. He is embracing a woman from behind. The woman has long, wavy, light brown hair and is wearing a light-colored, possibly wet or stained, dress. She has a somber expression. The background is dark and atmospheric, with a fire burning in the upper right corner and a candle in the lower left corner. The overall tone is dramatic and somber.

Коллекционер пустых надежд

Крис Нова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Крис Нова

Коллекционер пустых надежд

«Автор»

2026

Нова К.

Коллекционер пустых надежд / К. Нова — «Автор», 2026

Он украл её свет. Она украла его покой. Кассиан бессмертен. Его проклятие — вечный голод до человеческих душ. Он соблазняет, поглощает и забывает. Но Алисия не забывается. Её внутренний свет не гаснет от его прикосновений, а разгорается ярче, заставляя его чувствовать то, что он считал мёртвым навеки. Пока детектив Ванс распутывает кровавый след длиной в полтора века, в загородном особняке разворачивается странная, мучительная любовь между хищником и его жертвой. Любовь, способная либо уничтожить их обоих, либо разорвать древнее проклятие. Тёмный роман о вечности, искуплении и свете, который не украсть.

© Нова К., 2026

© Автор, 2026

Крис Нова

Коллекционер пустых надежд

ПРОЛОГ

Он стоял, словно вкопанный, замороженный её зыбким силуэтом в сумраке комнаты. Она была той самой. Единственной. Её полуобнажённая фигура казалась ему священной, а лёгкий румянец, проступивший сквозь бледную кожу, — единственными красками в этом призрачном мире.

«Ты — моя жизнь... Я люблю тебя...» — его шёпот обжигал ухо, сливаясь со стуком её крови.

Поцелуи, скользящие по шее, были похожи на древние письма, смысл которых она не могла разгадать. Она не открывала глаз, боясь разрушить чары, боясь увидеть в его взгляде то, что он так тщательно скрывал.

Он опускался всё ниже. Его губы коснулись возбуждённой, жаждущей груди, и она окончательно растворилась в этом желании. Исчезла. Перестала существовать.

А он, подняв голову, наконец позволил себе улыбнуться тому, как легко человеческое тело принимает ласку за любовь, а яд — за нектар.

В углу комнаты, у самого плинтуса, лежала тонкая, почти невесомая оболочка — всё, что осталось от той, что была тут секунду назад. Он аккуратно поднял её, свернул и убрал в потёртый кожаный мешочек, пополнив свою коллекцию.

Завтра он снова выйдет на охоту. Ведь каждая поглощённая душа делала его на шаг ближе к бессмертию. А в мире так много одиноких сердец, жаждущих раствориться в ком-то...

АКТ I

Глава 1. ЦВЕТ ВЕЧНОСТИ

Последний солнечный луч, рыжий и пыльный, как сама осень, цеплялся за карниз противоположного дома, отчаянно не желая тонуть в синеве сумерек. В студии Марго царил тот хаотичный порядок, который понятен был только ей. Воздух был густым коктейлем из запахов: сладковатый — скипидара, терпкий — масляной краски, и пыльный — от стопок старых книг, громоздившихся в углу, как руины Вавилона.

С громким вздохом Марго отодвинула палитру. Сегодняшний рабочий день был окончен. Ей нужно было отнести папку с эскизами галерейщику на Пикадилли, пока он не ушёл. Неохотно, почти механически, она собрала разбросанные листы, сунула их в потрёпанную кожаную папку и, накинув старое пальто, вышла в промозглый ноябрьский вечер, навстречу своей судьбе.

Ветер на площади Пикадилли был злым и цепким, вырывая из рук Марго папку с эскизами. Бумажные листы взметнулись в воздух, словно стая испуганных птиц. Она металась,

пытаясь поймать хоть что-то, её рыжие волосы разлетелись по лицу, а в глазах застыла паника. Это было не просто неудобство — это чувство, будто на площади обнажили её душу.

Именно тогда она врезалась в него.

Её плечо, замотанное в грубую шерсть старого пальто, с силой вошло в контакт с чем-то твёрдым и неподатливым, пахнущим ледяным одеколоном и мокрой бронзой. Папка выпала окончательно, листы веером разлетелись по грязному тротуару. Она подняла глаза, готовая выплюнуть раздражённое «Смотрите, куда...», но осеклась.

Он не был красив в привычном смысле. Он был завершён. Высокий, в идеально сидящем тёмном пальто, с осанкой, не оставляющей сомнений в его происхождении. Пока она, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, хватала ртом воздух, он стоял совершенно неподвижно, и его взгляд, цвета старого золота, был устремлён на неё с вниманием, которое можно было принять за интерес, если бы не его полная бесстрастность.

— Прошу прощения, — его голос оказался низким, обволакивающим. — Кажется, это из-за меня ваш... архив пошёл на взлёт.

Он не стал ловить листы, как сумасшедший фокусник. Вместо этого он просто снял перчатку с правой руки — движение было медленным, почти интимным, обнажив длинные, бледные пальцы, — наклонился и поднял ближайший к её ногам эскиз. Тот самый, с платаном.

— Вы специально сделали дерево таким уродливым?

Марго, всё ещё дыша прерывисто, опешила.

— Что?

— Оно прекрасно, — пояснил он, и его тон не смягчился ни на йоту. — Но именно своим уродством. Вы передали не форму. Вы передали его одиночество. Его упрямство. Так дерево выглядит в три часа ночи, когда никто не видит. Это редкий дар — видеть суть вещей.

Его слова попали точно в цель. Не комплимент. Диагноз. Он не восхищался, он констатировал, и от этой холодной, почти врачебной точности у неё перехватило дыхание. Он видел её. Ту её часть, которую она прятала даже от себя — одинокую, но живучую.

— Меня зовут Кассиан.

— Марго, — выдохнула она.

— Марго, — повторил он, и её имя в его устах обрело новый вес. — Вы дрожите. И я чувствую себя виноватым за столкновение. Позвольте компенсировать это чашкой кофе? Рядом есть место, где не дует этот варварский ветер.

В его тоне не было навязчивости. Была лишь уверенность и лёгкая, извиняющаяся учти-вость. Это был не вопрос, а мягко сформулированная данность. И Марго, которая обычно с подозрением относилась к незнакомцам, кивнула. Кивнула, потому что в его глазах она уви-

дела не банальный интерес, а подлинное, почти интеллектуальное признание. Он смотрел на неё не как на женщину, а как на феномен.

Он предложил руку, и она приняла её. Его пальцы без перчатки оказались на удивление холодными и сухими, как фаянс, но ей это показалось ещё одной загадкой, которую хотелось разгадать.

Этот миг на промозглой площади стал точкой отсчёта.

Их чашка кофе в тихом кафе растянулась на три часа. Он не рассказывал о себе. Он задавал вопросы. Глубокие, неожиданные.

— Почему вы так боитесь, что вас забудут? — спросил он напрямую, помешивая ложечкой чёрный кофе без сахара.

— Потому что это единственная форма смерти, которая имеет значение, — честно ответила она. — Когда стирается последняя память о том, какая у меня была походка, как я смеялась... всё. Это как если бы меня вообще никогда не существовало.

— Разумный страх, — кивнул он. — Но вы пытаетесь победить его краской и холстом. Это всё равно что пытаться остановить прилив ладонями. Вам нужен другой материал. Более... вечный.

Он не обещал. Он намекал. И пока Марго, покрасневшись, рассказывала о своей одержимости забвенным, он мысленно делал пометки.

«Страх исчезновения — ключевая травма. Основной рычаг давления. Предложить себя как «гаранта вечности»».

Он мягко и настойчиво встраивался в её реальность. Когда её друг Лео позвал на традиционный паб-квиз, Кассиан не стал её отговаривать. Он лишь сказал: «Мне показалось, лекция о технике сфумато в Национальной галерее будет тебе ближе. Там говорят о том, как время размывает контуры, но оставляет суть». И пока она, испытывая чувство вины, отменяла планы с другом, он мысленно фиксировал:

«Изоляция проходит успешно. Социальные связи ослабевают. Реакция на манипуляцию — положительная».

Он дарил ей не цветы, а смыслы. Однажды он принёс ей камень — кусок обсидиана.

— Это вулканическое стекло, — сказал он, вкладывая его ей в ладонь. — Оно останавливает время. Как твоё искусство. Только это не сгниёт и не выцветет через сто лет.

«Тактильный контакт установлен. Подарок как символ прочности и вечности ассоциирован с моей персоной. Закреплено.»

С каждой встречей её старый мир тускнел. А Кассиан в это время в своей стерильной квартире вёл цифровое досье. Там были не только её увлечения, но и расписание, маршруты, цитаты из её дневника, который он тайно сфотографировал в её студии.

За несколько часов до их последнего свидания он открыл это досье.

На экране светилась фотография Марго, смеющейся. Рядом — список.

Цель: Добиться полного доверия и саморастворения.

Метод: Активировать страх исчезновения. Физический контакт как катализатор.

Критерий успеха: Максимальный психофизиологический отклик. Расширенные зрачки, полное мышечное расслабление, потеря фокуса в глазах.

Он потянулся к бронзовому пресс-папье в виде скарабея на столе. Жест был отточен веками. В нём не было жизни. Лишь бесконечная, отлаженная механика охоты.

...И вот она здесь. В его стерильной спальне-пентхаусе, где с потолка до пола открывался вид на ночной Лондон. Огни города были похожи на рассыпанные бриллианты, но она видела только его.

Он стоял перед ней, снимая пиджак. Его глаза в полумраке казались бездонными. В них не было страсти — было благоговение.

Их последний вечер начался с тишины. Он привел ее на крышу, где город лежал у их ног. Не было вина, не было музыки — только шепот ветра и мерцание далеких звезд.

— Они похожи на твои краски, — тихо сказала Марго. — Растертые бриллианты в черной смоле.

— Это цвет вечности, Марго. Цвет забвения. И он никогда не сравнится с сиянием, которое я вижу в тебе.

Его губы коснулись ее шеи, чуть ниже мочки уха, и по ее телу пробежала волна мурашек. Не от страха, а от предвкушения. Это было чувство завершенности, финальный аккорд симфонии, которую он писал для нее все эти недели.

Внутри, в спальне, приглушенный свет падал на шелковые простыни. Он раздевал ее медленно, с благоговением коллекционера. Каждый его жест был молитвой. Его пальцы скользили по ее коже, запоминая текстуру, температуру, малейшую реакцию — учащенное сердцебиение, вздох, легкую дрожь.

Он опустился ниже, и его холодные губы коснулись её живота. Мышцы под его губами напряглись, реагируя на перепад температур. Её тело было горячей печью, его — мраморной статуей. Этот контраст сводил её с ума. Она тянулась к его холоду, чтобы остудить свой внутренний пожар.

Когда он вошел в нее, Марго вскрикнула — от щемящей полноты ощущений. Он был ледяным внутри неё, и её жар сжимался вокруг этой льдины, пытаясь растопить, присвоить, сделать частью себя. Она цеплялась за него, впиваясь пальцами в спину, но там не было тепла — только холодные, словно мраморные, мышцы под тонкой кожей.

Он двигался с гипнотической ритмичностью, его пристальный взгляд отмечал, как её зрачки расширились, поглотив радужную оболочку, как мышцы спины полностью обмякли, а взгляд устремился в никуда. Он чувствовал, как её внутренние мышцы сжимаются вокруг него в спазме, горячие и влажные, и этот контраст с его собственным мертвенным холодом был самым острым наслаждением за последние сто лет.

«Порог достигнут. Сопротивление нулевое. Сигнал к поглощению.»

— Ты — моя жизнь, — прошептал он ей в губы, накрывая её рот своим — холодным, безвкусным. И для него это была не метафора, а констатация факта.

Для Марго эти слова стали ключом, отпирающим последний замок. В тот момент, когда его холод внутри неё перестал быть чужеродным, а стал необходимой частью её собственного тепла, она исчезла. Не умерла. Растворилась. Её страх быть забытой наконец-то отступил, потому что она стала частью того, кто обещал помнить вечно.

Когда спазм экстаза прошел, в комнате повисла гробовая тишина. Тело Марго под ним обмякло, но не стало безжизненным трупом. Оно стало... пустым. Сосудом, из которого выпили содержимое.

Кассиан медленно поднялся. На его лице не было ни усталости, ни удовлетворения. Лишь пустота. Он потянулся к ночному столику, где лежал его кожаный мешочек. Его движения были отточены до автоматизма.

Он даже не посмотрел на то, что осталось от женщины. Для него это был уже не человек, а просто артефакт. Он бережно, с холодным мастерством, свернул в плотный рулон то, что секунду назад было Марго, и уложил к остальным.

Коллекция пополнилась.

Он подошел к окну. Город по-прежнему сверкал. Где-то там ждала следующая одинокая душа, жаждущая раствориться. А он был вечно голоден.

Детектив Элиас Ванс захлопнул папку и потёр переносицу. В кабинете пахло пылью и старым кофе. На стене, пришпиленная кнопкой, висела фотография Марго — той самой художницы, что исчезла три недели назад. Ни тела, ни следов, ни мотива. Только тишина. Такая же глухая, как в деле Элеоноры Шоу пятилетней давности.

Он потянулся к ящику стола, где среди прочего хлама лежал странный свёрток — улика, которую он не решился внести в протокол. Тонкий, полупрозрачный, пахнущий жасмином и холодом. Он не знал, что это. Но знал: такие же «свёртки» фигурировали ещё в трёх нераскры-

тых делах. Коллеги называли это «шелухой», списывали на совпадения, на большую фантазию следователей. Но Ванс нутром чуял — это не совпадение. Это почерк.

Он развернул свёрток. Холод обжёг пальцы даже сквозь латекс перчатки. От него исходил слабый, едва уловимый аромат — не духи, а само воспоминание о запахе. Жасмин. И что-то ещё, горькое, как полынь. Внутри, в самой сердцевине, если поднести к свету, можно было разглядеть неясные узоры — не буквы, а скорее... отпечаток. Изгиб ресницы. Контур улыбки.

Он смотрел на него и чувствовал, как по спине бегут мурашки. Это была не улика. Это был... остаток. То, что остается, когда человека уже нет, но он ещё не совсем исчез.

— Кто же ты? — пробормотал Ванс, переводя взгляд на фото Марго. — И где твой «Ренар»?

Он знал это имя из дела Элеоноры Шоу. Ни адреса, ни телефона, ни свидетелей. Просто призрак, мелькнувший в жизни женщины перед тем, как она испарилась. И теперь этот же призрак, возможно, носил другое имя.

Ванс свернул свёрток и убрал его обратно в ящик, подальше от чужих глаз.

— Ты не прячешься, — тихо сказал Ванс, проводя пальцем по карте. — Ты приглашаешь. Как в театр.

Он замер, глядя на пустое место в центре схемы. Ни камер, ни свидетелей. Идеальный ноль.

Ответа не было. Только дождь за окном и тихий, едва уловимый шёпот, доносящийся, казалось, из самого ящика стола. Шёпот женщины, которой больше нет. Или, возможно, той, которой ещё только предстояло исчезнуть.

Глава 2. ПРИВКУС ПУСТОТЫ

Пронзающий утренний свет ворвался в пентхаус — не тёплый и ласковый, а холодный и золотой, как отполированная сталь. Длинные, острые лучи резали полумрак, выхватывая из теней безупречные линии минималистичной мебели, холодный блеск стеклянных столешниц и неподвижную фигуру человека у панорамного окна.

Кассиан стоял, вглядываясь в просыпающийся город. Его квартира была идеальна, как гробница. Тишина здесь была не отсутствием звука, а сущностью, вытеснившей саму возможность шума.

Он повернулся от окна. Его взгляд скользнул по идеально заправленной кровати, где несколько часов назад перестала существовать Марго. Ни морщинки на шёлке. Лишь на прикроватном столике лежал тот самый потертый кожаный мешочек.

Он подошёл, взял его в руки. Вес почти не изменился. Он развязал шнурок, и его пальцы на мгновение коснулись самого верхнего свёртка — того, что был Марго.

И тут его пронзило.

Не болью. Не воспоминанием. Это было ощущение инородного тела в безупречном механизме его сущности. Словно он проглотил не душу, а заряженный осколок экзистенциального страха — тот самый ужас перед исчезновением, что был квинтэссенцией Марго. И теперь этот осколок впиался в него изнутри, нарушая веками отлаженную тишину.

Он резко затянул шнурок, отсекая контакт. «Артефакт „Марго“ не стабилизировал систему, — холодно констатировал он. — Он внес аномалию. Требуется компенсирующее воздействие».

Его взгляд упал на мощный монитор, встроенный в стену. За века существования он усвоил простое правило: чтобы оставаться невидимым призраком, нужно в совершенстве владеть технологией века. Его цифровое присутствие было таким же безупречным, как и физическое. Он не просто просматривал соцсети — он владел паутиной утекших баз данных, получал доступ к камерам наблюдения и с лёгкостью создавал безупречные легенды, оставляя следы, ведущие в никуда.

Лёгким движением пальца по сенсорной панели, он вызвал файл. На тёмном экране загорелось имя, под которое был зарегистрирован безупречный цифровой след и арендована квартира в престижном районе.

«Объект: Алисия».

В досье был не просто набор фактов. Это была холодная расшифровка души, составленная по цифровым следам, прослушанным разговорам и отчетам о наблюдении.

· Пункт 5.3: Поведенческий паттерн. Подопечный хосписа, мистер Эдгар, испытывал невыносимые боли. Медсестры вводили морфин. Объект проводила у его кровати по 4-5 часов, держа за руку и читая вслух старенькое издание «Винни-Пуха». На 14-й день наблюдений мистер Эдгар умер с почти детской улыбкой на исхудавшем лице. Вывод: объект не борется со смертью. Она одушевляет её. Превращает в акт милосердия.

· Пункт 5.7: Установка на любовь. В личном дневнике (цифровая копия, облачное хранилище, пароль взят за 8 секунд) — сканированная фотография улыбающейся пожилой женщины. Подпись: «Бабушка учила: "Любовь — это глагол. Это делать чай, когда у другого болит душа. Даже если твоя болит сильнее"». Бабушка скончалась три года назад от рака. Объект ухаживала за ней до последнего вздоха. Вывод: концепция любви как действия, а не чувства. Высокий риск формирования эмоциональной зависимости у объекта.

Кассиан откинулся в кресле. Он выбрал её не случайно. Он искал антитезу тому хаосу, что внесла Марго. Алисия была ею. Её вера была не слепой, а практической. Её свет был не вспышкой, а ровным, устойчивым горением. Поглотив такую душу, он, возможно, не просто утолит голод. Он стабилизирует саму основу своего проклятия, найдя точку опоры в её спокойной силе.

В это время в хосписе «Св. Креста» Алисия заканчивала обход. Она поправляла подушку миссис Тёрнер, чьё тело было хрупким, как осенний лист.

— Спасибо, дорогая, — прошептала старушка. — Твои руки... они такие прохладные. Так легко.

— Это просто я, миссис Тёрнер, — тихо улыбнулась Алисия.

Коллега, практичная и вечно уставшая Сара, поймала её взгляд в коридоре.

— Я не понимаю, как у тебя хватает сил, Элис. Ты же не просто ухаживаешь, ты... отдаёшь им частичку себя. Так можно и сгореть.

Алисия посмотрела в окно, где ветер гонял по небу рваные облака.

— Я не отдаю, Сара. Я... напоминаю. Пока они здесь, они не просто больные. Они чьи-то бабушки, дедушки, мамы. Кто-то их любил. Я просто... стараюсь быть тем, кто об этом помнит.

— Ну, твоя бабушка явно знала секрет, как любить правильно, — вздохнула Сара.

— Она знала, что любить — это глагол, — поправила её Алисия, и в её глазах на мгновение блеснула та самая «искра», которую Кассиан видел на фотографиях. — Это значит быть рядом, даже когда тяжело. Особенно когда тяжело.

Вечером, вернувшись домой, она подошла к старой фотографии в простой рамке. На снимке она, пятнадцатилетняя, обнимала свою бабушку на дачной скамейке.

— Я стараюсь, бабуль, — прошептала она. — Стараюсь делать, а не просто говорить.

Она не знала, что её действия, её тихая, упрямая любовь, стала предметом холодного анализа для существа, для которого любовь была лишь тактикой. И что очень скоро ей придется применить всю её силу на практике, чтобы спасти не пациента, а саму себя.

Он смотрел на её фотографию, сделанную скрытой камерой в сквере у её дома. Ей было около двадцати пяти, и её невинная красота была той, что раскрывается не сразу. Мягкие линии лица, светлые волосы, заплетённые в небрежную косу, из которой выбивались прядки. И глаза — цвета тёплого серого, как морская галька, гладкая от времени и доброты. В них не было ни вызова, ни трагедии, лишь спокойная, светлая глубина. Внутренне она казалась ничем не примечательной — работа в хосписе, вечерние чаепития, помощь соседке-старушке. Но в этой простоте таилась её сила.

Она протягивала ладонь, полную крошек, и голуби, не боясь, клевали с неё. Она улыбалась, и в уголках её глаз лучились лучики. Она была полной противоположностью холодной элегантности Кассиана — воплощённым уютом, тихим утром, которого ему вечно не хватало.

Его взгляд снова скользнул по пунктам в досье.

· Уязвимость: Глубокая, экзистенциальная. Не страх одиночества, а гиперответственность за чужую боль. Следствие — желание «спасать», растворяясь в других.

· Внутренний стержень: Непоколебимая, почти наивная вера в добро. «Искра».

· Гипотеза: Душа с такой структурой может обладать повышенной «плотностью». Поглощение может дать не всплеск эмоций, а стабильность. «Вечное топливо».

Он выбрал её, чтобы проверить гипотезу. Чтобы «починить» тот сбой, что оставила после себя Марго. Для Алисии он будет Люсьеном.

«Противоядие», — подумал он без всякой поэзии, с холодным расчётом учёного, ставящего решающий эксперимент.

Охота продолжалась. Но впервые её целью было не насыщение, а калибровка.

Тишина в зале импрессионистов была особенной, густой и звонкой, будто звук впитывали в себя сами полотна, жадно впитывавшие свет столетия назад. Алисия медленно катила коляску с мистером Элтоном, чья жизнь теперь умещалась в узком промежутке между уколом обезболивающего и смутными воспоминаниями. Он смотрел на «Водяные лилии» Моне остекленевшим, но внимательным взглядом.

— Красиво, да, мистер Элтон? — тихо сказала Алисия, поправляя плед на его коленях. — Как будто смотришь на мир сквозь счастливые слезы.

Она не заметила, как к ним подошёл мужчина. Он возник неслышно, будто материализовался из полумрака соседнего зала. Высокий, в идеально сидящем тёмном костюме, он казался частью музейной экспозиции — холодным, отполированным временем артефактом.

— Вы абсолютно правы, — прозвучал его голос. Низкий, бархатный, лишённый всякой случайной теплоты. — Моне писал не форму, а само ощущение мимолётности. Счастья, которое вот-вот исчезнет. Или боль, которая вот-вот утихнет.

Алисия вздрогнула и обернулась. Его глаза были цвета старого золота, и в них не было ни любопытства, ни вежливого интереса — лишь спокойное, изучающее внимание.

— Вы... искусствовед? — спросила она, чувствуя, как под его взглядом по коже пробегают мурашки. Не страх, а скорее странное осознание, что её видят насквозь.

— Всего лишь ценитель, — он слегка склонил голову. — Люсьен. А вы, я вижу, не просто сопровождающая. Вы — проводник. Показываете тем, кто на пороге, что красота — тоже одна из форм вечности.

Его слова были настолько точны, что на мгновение лишили Алисию дара речи. Он видел не её, а саму суть её миссии.

В этот момент к ним подошла Сара, её коллега. Ещё на подходе её лицо вытянулось, увидев незнакомца. Она намеренно встала между Алисией и Люсьеном, взяв подругу за локоть.

— Алисия, мистеру Элтону пора на процедуру, — сказала она твёрдо, бросая на Люсьена короткий, испепеляющий взгляд. — Простите, мы очень заняты.

Люсьен лишь кивнул, его лицо не выразило ни удивления, ни досады.

Когда они отошли на несколько шагов, Сара наклонилась к Алисии и прошепела:

— Слушай, держись от этого типа подальше. Видала я таких. Глаза как у озёрного льда — сверху блеск, а на глубине всё мёртво. От него холодом тянет, честное слово.

— Сара, не драматизируй, — тихо засмеялась Алисия, оглянувшись через плечо. Тот всё так же стоял у полотна Моне, словно их краткий разговор ничего не значил. — Он просто был вежлив. И сказал так... точно.

— Именно поэтому! — настаивала Сара. — Слишком уж точен. Как будто он прочёл твои мысли. Будь осторожна, ладно?

Но Алисия уже не слушала. Она снова посмотрела на незнакомца. Да, он был холодным. Но в её мире холод был привычной материей.

У мистера Элтона руки стали ледяными за час до смерти. Миссис Грейвз жаловалась на озноб за два дня до того, как перестала узнавать дочь. Холод — это не всегда угроза. Иногда это просто... симптом. Может, ему плохо? Может, он тоже угасает, просто никто не видит?

Эта мысль — профессиональная, почти врачебная — мгновенно перевела его из разряда «подозрительных незнакомцев» в разряд «потенциальных пациентов». А пациентов она не боялась. Она их лечила.

Люсьен поймал её взгляд и едва заметно улыбнулся. Охотник сделал первый шаг. Жертва, вооружённая клиническим состраданием, шагнула навстречу.

Охота началась.

Детектив Элиас Ванс появился в сюжете так же неприметно и настойчиво, как осенний дождь за окном его кабинета. Его ввели в дело об исчезновении Марго по стандартному протоколу, когда локаторы мобильных операторов показали полное молчание, а родственники из провинции забили тревогу.

Кабинет Ванса был его точной копией — помятый, но функциональный. Стол, заваленный папками, где соседствовали свежий рапорт и вчерашний бутерброд. Запах — стойкий микс дешёвого кофе, пыли и лёгкой ауры отчаяния, которую источали все нераскрытые дела.

Сам Ванс был мужчиной на излёте сорока, с лицом, на котором городская суета выгравировала свою хронику. Щетина на щеках, мятый пиджак на спинке стула, но взгляд — острый, пронзительный, как скальпель. Он не верил в призраков. Он верил в человеческую глупость, жадность и похоть. Но это дело... оно пахло иначе.

Он снова потянулся к папке. Фотография Марго — живой, яркой, с бездной надежды в глазах. И — ничего. Ни криминала, ни долгов, ни любовных драм. Только тишина. Такая же гробовая, как в стерильном пентхаусе Кассиана.

Дверь скрипнула, и в кабинет заглянул молодой сержант Кларк, его новый напарник, ещё не утративший рвения и веры в полицейские протоколы.

— Сэр, вы просили поднять старые дела по схожему почерку? Кажется, я кое-что нашёл.

— Не томи, Кларк.

— Пять лет назад. Исчезновение Элеоноры Шоу, художницы-графика. Ни зацепок, никаких следов борьбы. Почти как наша Марго. Но в её личных вещах нашли блокнот. Там было записано одно имя...

Кларк протянул распечатку старого протокола. Ванс пробежался взглядом по строчкам, и его пальцы привычным жестом потянулись за новой сигаретой.

— «Ренар»... — он выдохнул струйку дыма, глядя на пустое место на доске рядом с фото Марго. — Ни адреса, ни телефона, ни свидетелей, которые бы его видели. Просто призрак, мелькнувший в жизни женщины перед тем, как она испарилась.

— Приказ, сэр?

— Приказ, — Ванс ткнул сигаретой в распечатку. — Подними всё, что найдёшь по этому имени. Кредиты, аренду, даже штрафы за парковку. Я хочу знать, кто этот «Ренар». Охотник? Или просто ещё одно имя, которое он сменил, как перчатки?

Кларк кивнул и выскочил из кабинета. Ванс остался один, его взгляд заострился. Теперь у него было не просто ощущение. У него было имя. Пусть и вымышленное. Пусть и пятилетней давности. Это была первая ниточка, конец которой он намеревался найти.

«Ну что ж, „Ренар“... или кто ты там сейчас, — мысленно произнёс он, глядя на огонёк сигареты. — Давай посмотрим, насколько хорошо ты стираешь свои следы».

Он не знал, что его невидимый оппонент уже отбросил это имя, как использованный одноразовый скальпель, и теперь с холодным любопытством глядел на экран, где сияла фотография новой, куда более интересной цели. Охота продолжалась, но впервые у охотника появился тот, кто начал идти по его кровавому следу.

Глава 3. ПРИТЯЖЕНИЕ БЕЗДНЫ

Тишина в пентхаусе Кассиана на третий день после Марго была иной. Не идеальной, а натянутой. словно в стерильный воздух впрыснули невидимый раздражитель.

Он стоял перед зеркалом, отстраняясь от собственного отражения. Сегодня ему предстояло не охотиться. Сегодня ему предстояло тестировать. Образ «Люсьена» — меланхоличного мецената с тёплым взглядом — был отточен до мелочей. Но впервые за долгие годы Кассиан чувствовал не уверенность, а холодное любопытство учёного, запускающего рискованный экс-

перимент. Усмирят ли свет Алисии тот вихрь страха, что завелся в нём после Марго? Или он лишь обожжёт его?

Алисия нервно поправляла платье, стоя у окна своей квартиры. За окном золотился осенний вечер, и последние листья клёна, словно медные монетки, падали на мокрый асфальт. Сегодня её ждало свидание с Люсьеном. В голове звенел тревожный голос Сары: «От него холодом тянет!»

Но когда она увидела его, выходящего из чёрного автомобиля, тревога отступила, уступив место странному волнению. Он был безупречен. И в его глазах, сегодня казавшихся мягче, она увидела не холод, а ту самую «ранимость», которую придумала для него.

— Вы сияете, — произнёс он, помогая ей сесть в машину. Его пальцы коснулись её запястья всего на мгновение, но даже сквозь ткань платья она почувствовала тот самый холодок, о котором говорила Сара. Но сейчас он показался ей не опасным, а... освежающим. Как глоток ледяной воды в летний зной.

— Я просто рада вас видеть, — честно ответила Алисия.

Он повёл её не в шумный ресторан, а в частную оранжерею на окраине города. Когда массивная дверь из красного дерева закрылась за ними, Алисия замерла от восторга. Воздух был густым и влажным, наполненным пьянящим ароматом ночного жасмина, цветущего как раз в сумерках. Под высоким стеклянным куполом, сквозь который проглядывали первые звёзды, росли пальмы с листьями-веерами, орхидеи причудливой формы, напоминающие застывших бабочек, и струился маленький ручей, поросший мхом. В кронах деревьев щебетали какие-то невидимые птицы, а в центре, под огромным баньяном, стоял один-единственный столик, накрытый для двоих.

— Здесь так... живуче, — прошептала она, не в силах подобрать другое слово.

— Жизнь всегда тянется к свету, даже искусственному, — тихо ответил Люсьен, подводя её к столику. Его рука едва касалась её локтя, но Алисия чувствовала это прикосновение всем телом.

Он заказал для неё лёгкое белое вино, а для себя — минеральную воду с лимоном. Свеча в стеклянном подсвечнике отбрасывала дрожащие тени на его лицо, смягчая и без того безупречные черты. Он говорил мало, но его вопросы были точными, будто он читал её душу как открытую книгу. Он спросил о её бабушке, о том, что для неё значит «любовь-глагол», о том, не страшно ли ей работать со смертью.

— Не страшно, — сказала Алисия, глядя на пламя свечи. — Потому что в конце всегда есть свет. Пусть другой, не наш, но он есть. Я в это верю.

И пока она говорила, в её глазах вспыхивали те самые золотые искорки, которые Кассиан видел на фотографиях. Он наблюдал за ней с холодным научным интересом, но с изумлением отмечал, что навязчивый шум в его сознании... стихал. Её голос, её спокойная уверенность действовали на «аномалию» Марго как бальзам. Это было приятно. Опасно приятно.

— Вы много отдаёте другим, — сказал он, и в его голосе прозвучала искренняя, почти человеческая нота. — А кто даёт вам?

Алисия смутилась.

— Я... я просто черпаю из того, что есть. Из воспоминаний. Из веры.

— Вера — ненадёжный источник, — заметил он, и его взгляд снова стал пронзительным, изучающим. — Она может иссякнуть в самый неподходящий момент.

— А что же надёжно? — спросила она, поддаваясь игре.

— Надёжно только то, что можно потрогать. Взять. Сохранить, — он произнёс это с такой тихой, леденящей уверенностью, что Алисия на мгновение почувствовала лёгкий озноб. Но он тут же улыбнулся, и чары снова сомкнулись. — Простите. Я слишком философствую.

— Нет, это интересно, — поспешно сказала она, желая вернуть тот мимолётный контакт.

Он проводил её до дома. У подъезда ветер играл её светлыми волосами, и в свете фонаря они казались нимбом.

— Спасибо за вечер, — сказала она, поднимая на него сияющие глаза. — Я давно не чувствовала себя так... понятой.

— Это взаимно, Алисия, — он взял её руку и на мгновение приложил к своим губам. Его поцелуй был таким же холодным, как утренний мрамор его пентхауса, но сердце Алисии учащённо забилося. — До скорой встречи.

Он ждал, пока она скроется в подъезде, и только тогда позволил маске «Люсьена» упасть. Его лицо снова стало бесстрастной маской. Калибровка прошла успешно. Объект стабилен. Воздействие — положительное. Но вместо удовлетворения он почувствовал лишь нарастающее внутреннее напряжение. Свет Алисии был слишком ярок. Слишком чист. Глядя на него, он начинал видеть всю глубину собственной тьмы.

Тем временем, в своём кабинете, пропахшем старым кофе и безысходностью, детектив Элиас Ванс вбивал в поисковую систему названия музеев и галерей.

— Ничего, — проворчал сержант Кларк, с размаху опускаясь на стул. Его молодое лицо, обычно полное рвения, сейчас было испещрено морщинами усталости. — Я просмотрел записи с двадцати камер наблюдения вокруг галереи Курто за последний месяц. Ни одного подозрительного повторяющегося лица. Ни одного человека, который бы появлялся в те же дни, что и Марго или Элеонора Шоу. Он как призрак. Безликий. Безымянный.

Ванс, не отрываясь от экрана, потянулся к сигарете. Его движения были медленными, выверенными, как у хирурга перед сложной операцией.

— Призраки не покупают билеты, Кларк, — его хриплый голос прозвучал устало, но твёрдо. — А он покупал. И Марго, и Элеонора Шоу были на платных выставках за день до исчезновения. Запусти поиск по банковским операциям. Забей в систему все известные нам места — галереи, музеи, консерватории. Ищи не человека, а паттерн. Одинаковые суммы, потраченные с разных карт в одних и тех же местах в течение одного-двух дней до исчезновения жертв.

Кларк удивлённо поднял бровь, его пальцы уже замерли над клавиатурой.

— Вы думаете, он... оплачивал их вход?

— Я думаю, что он не появляется там, где они бывают, — Ванс наконец оторвал взгляд от монитора и посмотрел на напарника. Его глаза были колючими, как щепки. — Он предвосхищает их появление. Он знает их расписание, их вкусы, их привычки лучше, чем они сами. Он не следует за ними по пятам. Он уже ждёт их там, зная, что они придут. Ищи, Кларк. Ищи не мужчину в плаще. Ищи следы того, кто изучает их жизнь, как гурман изучает меню перед заказом.

Они просидели над этим несколько часов. Кофе остывал, пепельница переполнялась. Кларк, с присущим ему методичным упорством, строил запросы, отсеивая ложные срабатывания. И вот, уже далеко за полночь, он наткнулся на странное совпадение.

— Сэр, — его голос дрогнул от возбуждения. — Смотрите. За день до своего исчезновения Элеонора Шоу получила смс-напоминание о визите в галерею «Тейт Модерн». Отправитель — некий «Клуб ценителей искусства Аркадия». Я проверяю... Да, и Марго получала такое же сообщение за день до своего визита в Галерею Курто!

Ванс встал и подошёл к его столу, вглядываясь в экран. Его тень легла на клавиатуру.

— «Клуб Аркадия»... Проверь его.

— Уже проверяю, — пальцы Кларка застучали по клавишам с новой энергией. — Никакой регистрации, никакого юридического адреса. Виртуальный номер, купленный по поддельным документам. Но смотрите на платёж! Предоплата за билет Элеоноры была проведена с виртуальной карты, выпущенной на имя... Джона Смита. Классика. А карта для Марго была на имя некоего Майкла Брауна.

— Одинаковые банки-эмитенты? — уточнил Ванс, его взгляд загорелся.

— Одинаковые. — Кларк кивнул, и по его лицу расплылась торжествующая улыбка. — Кажется, я нашёл не человека. Я нашёл метод. Он не следует за ними. Он приглашает их. Лично, целенаправленно. Создаёт для каждой идеальную, персонализированную ловушку под видом приглашения от элитного клуба.

Ванс медленно улыбнулся. Это был не весёлый, а усталый, почти волчий оскал человека, который учуял наконец-то кровь после долгой и изматывающей погони.

— Отлично. Теперь мы знаем, как он охотится. Он не хищник в засаде. Он — рыбак, который забрасывает удочку с самой привлекательной наживкой. — Он похлопал Кларка по

плечу. — Теперь осталось понять, на кого он закинул удочку сейчас. Найди все подобные платежи за последний месяц. Нам нужна его следующая жертва.

Тем же вечером. Пентхаус Кассиана.

Чёрный автомобиль бесшумно растворился в подземном гараже. Лифт, поднимаясь на самый верх, не издавал ни звука. Тишина, в которую Кассиан вернулся, была уже иной — не натянутой, как утром, а глубокой и обманчиво спокойной, словно водная гладь после брошенного в неё камня.

Он сбросил пиджак на спинку кресла. Движения были всё так же отточены, но в них появилась едва уловимая неуверенность, чуждая его природе. Он подошёл к панорамному окну. Лондон внизу был россыпью холодных бриллиантов, но сегодня он не видел в нём порядка. Он видел хаос. Хаос, который вдруг стал его отражением.

Прикосновение к её руке. Хрупкая кость запястья, тёплая, живая кожа под его пальцами. Её запах — не парфюм, а что-то простое, чистое, вроде мыла с запахом ванили и тёплой шерсти. И её глаза, поднятые на него у подъезда, — сияющие, полные доверия и чего-то ещё, чего он не мог и не хотел определять.

Мысль была чёткой и ядовитой: «Она думает, что может меня спасти».

Губы, прикоснувшиеся к её коже, всё ещё хранили призрачное тепло. Оно было едва заметным, но для него, существа из вечного холода, оно жгло, как раскалённая сталь. Он провёл языком по внутренней стороне губ, пытаясь стереть это ощущение, но оно въелось глубже, в самую плоть, в память клеток.

Он отвернулся от окна, и его взгляд упал на потертый кожаный мешочек, лежащий на секретере. Внутри лежали десятки свёртков. Десятки судебных. Марго, Элеонора Шоу, все те, чьи имена он давно забыл. Раньше они были трофеями, доказательством его силы. Теперь, глядя на них, он чувствовал лишь тяжесть. Не вины. Отсутствия.

Он подошёл к барной стойке, налил в бокал чистейшей ледяной воды — он никогда не пил алкоголь, ему хватало собственного опьянения чужими эмоциями. Сделав глоток, он почувствовал, как холод растекается внутри, и на миг ему показалось, что он гасит то крошечное тепло, что оставила на нём Алисия.

«Противоядие работает, — констатировал он мысленно. — Уровень аномалии снизился на 37%. Гипотеза подтверждается».

Но за этой бесстрастной констатацией скрывалось нечто новое. Тревога. Её свет не просто успокаивал «аномалию». Он заставлял его чувствовать контраст. Раньше он был просто пустотой. Теперь, на фоне её внутреннего сияния, эта пустота начала ощущаться как недостаток, как чёрная дыра, которая внезапно осознала, что она — ничто.

Он подошёл к монитору. Файл «Объект: Алисия» был всё ещё открыт. Он увеличил её фотографию. Улыбка. Глаза. Эта дурацкая, необъяснимая вера в добро.

«Она — лекарство, — повторил он про себя, пытаясь вернуть твёрдость. — Сильнодействующее. Требуется точной дозировки. Передозировка... смертельна».

Он имел в виду её смерть, конечно. Её физическое исчезновение. Но где-то в глубине, в том месте, где когда-то существовала его собственная душа, шевельнулся крошечный, почти неуловимый вопрос: а для кого ещё оно могло быть смертельным?

Он резко выключил монитор. Комната погрузилась в полумрак, освещённая лишь отблесками города. Он остался стоять в центре своей безупречной, дорогой, абсолютно безжизненной тюрьмы, впервые за многие столетия чувствуя себя не её хозяином, а узником. И ключ от этой тюрьмы, тёплый и живой, сейчас лежал в спальне обычной девушки, которая верила, что своей любовью сможет растопить лёд.

Глава 4. ИГРА В ОТКРОВЕННОСТЬ

В кабинете Ванса часы показывали третий час ночи. Он не спал вторые сутки. Кофе в кружке давно остыл и покрылся маслянистой плёнкой. Пепельница переполнена — окурки торчали, как обломанные зубы.

Он сидел, сторбившись над столом, и перебирал фотографии. Не свои — чужие. Распечатки из социальных сетей. Марго в студии, смеётся, запрокинув голову. Марго на набережной, кутается в шарф. Марго с подругой в пабе — бокал пива, улыбка на пол-лица.

Он смотрел на них не как на улики. Как на жизнь. Жизнь, которой больше нет.

Его пальцы, жёлтые от никотина, перебирали снимки, как чётки. Он искал не подсказку. Он искал... что-то ещё. Что-то, что ускользало от логики, но ощущалось кожей.

На всех фотографиях она была одна. Даже когда с кем-то — всё равно одна. В глазах — та самая пустота, которую она пыталась заполнить красками, линиями, смыслами. И не могла.

«Ты ждала его, — прошептал Ванс, глядя на её улыбку. — Ты ждала того, кто увидит не картины, а пустоту за ними. И он пришёл. Он всегда приходит к тем, кто ждёт».

Он откинулся на спинку стула. Пружины жалобно скрипнули. За окном начинал моросить дождь — мелкий, нудный, ноябрьский. Капли барабанили по подоконнику, как пальцы нетерпеливого следователя.

Ванс посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Осунувшееся лицо. Щетина. Глаза, в которых плескалась та же пустота, что и у его жертв.

«Мы с тобой одной крови, Марго, — сказал он тихо. — Я тоже жду. Только я жду не его. Я жду, когда он ошибится. И он ошибётся. Все ошибаются. Даже те, кто думает, что они — боги».

Он взял кружку с холодным кофе, сделал глоток. Поморщился. И снова склонился над фотографиями. Ночь только начиналась.

За окном пентхауса небо медленно гасло, окрашиваясь в сиреневые и медные тона. Последние лучи солнца цеплялись за шпили собора Святого Павла, словно не желая отпускать этот день. Кассиан стоял у панорамного стекла, но видел не огни города — он видел отражение её улыбки, застывшее в воздухе, словно мираж.

Тишина в стерильном пространстве была звенящей, но теперь в неё вплетался новый звук — настойчивый, как шум морской раковины, приложенной к уху. Это был отголосок. Эхо её голоса, смеха, того странного затишья, что она приносила с собой. Он провёл пальцами по холодной поверхности стола, оставляя на идеальной полировке тонкие следы. Беспорядок. Пусть микроскопический. Его рука непроизвольно сжалась.

Он отвернулся от окна и его взгляд упал на потертый кожаный мешочек, лежащий на секретере. Внутри — десятки свёртков. Десятки запечатанных молчаний. Он подошёл, взял его в руки. Вес был привычным, почти неощутимым, но сегодня мешочек казался ему непере-носимо тяжёлым. Его пальцы скользнули по коже, нащупывая свежий свёрток — тот, что был Марго. И снова — тот самый укол. Не боль, а сбой. Нарушение в отлаженной системе.

Он резко отшвырнул мешочек прочь, как отбрасывают прочь инструмент, вышедший из-под контроля. Тот мягко шлёпнулся о кожаное кресло, не издав ни звука.

Ему требовалось действие. Контроль. Он сел за монитор, и холодный синий свет озарил его лицо, подчеркнув неестественную бледность кожи. Файл «Объект: Алисия» был открыт. В графе «ТЕКУЩИЙ СТАТУС» он удалил стандартную метку «В ПРОЦЕССЕ» и ввёл новую: «КАЛИБРОВКА. ФАЗА 2».

«Субъективный отчёт. Свидание №2. Уровень фонового шума снизился на 47% и стабилизировался. Воздействие объекта подтверждает гипотезу: её эмоциональный спектр обладает аннигилирующими свойствами по отношению к "аномалии", внесённой Объектом "Марго"».

Он печатал быстро, почти яростно, выстукивая каждое слово, как гвоздь в крышку собственного беспокойства.

«Побочных эффектов...»

Его пальцы замерли над клавиатурой. Какие побочные эффекты? Назойливое тепло, разливавшееся по груди при воспоминании о том, как её тёплые пальцы поправляли прядь волос? Раздражение от собственной неспособности классифицировать её влияние как чистый ресурс? Или то, что он ловил себя на том, что пересматривал её фотографии не с аналитическим интересом, а с чем-то иным — с голодом, который не имел ничего общего с проклятием?

Он с силой стёр строчку. «Побочных эффектов не выявлено». Ложь. Первая за долгие века сознательная ложь в отчёте самому себе.

Ему требовались новые данные. Чистые, контролируемые условия, где он мог бы наблюдать за её реакцией на более интенсивное воздействие, не отвлекаясь на собственные... сбои. Его пальцы привычным движением вызвали интерфейс бронирования. Закрытая галерея

«Улей». Вечерний приватный просмотр для двоих. Идеальная лаборатория. Стекло-
паки, тишина, отсутствие посторонних. Ничто не должно было мешать эксперименту.

Он откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. За веками снова встал её образ. Не фото-
графия, а живая — с лучистыми морщинками у глаз, с лёгким румянцем на щеках. И этот
назойливый, тёплый комок под сердцем снова дал о себе знать. Он сжал кулаки, до боли впи-
ваясь ногтями в ладони. Контроль. Только контроль.

Где-то внизу, в рыжей осенней листве сквера, резвились вороны. Их карканье, глухое и
далёкое, вдруг пробилось сквозь звуконепроницаемые стены. Назойливое, живое, не вписыва-
ющееся в его безупречный, мёртвый порядок.

Он открыл глаза. Решение было принято. Его пальцы, холодные и точные, снова легли
на клавиатуру. Но на этот раз он набирал не сухой протокол, а тщательно выверенные слова
для неё. Каждое предложение было продумано, как ход в шахматах — лёгкая недосказанность,
намёк на исключительность, тонкий комплимент её восприятию.

«Алисия, сегодня я увидел нечто, что заставило думать о вас. В "Улье", частной гале-
рее, открывается вечерний просмотр работ одного скульптора. Он говорит на языке тишины
и металла — том языке, который, мне кажется, понятен вам без перевода. Было бы честью
разделить эту тишину с вами. Только для нас двоих. — Люсьен»

Он перечитал сообщение. Идеальный баланс. Интеллектуальный вызов, намёк на интим-
ность обстановки, признание её уникальности. Приманка была заброшена. Оставалось ждать.

Ответ пришёл почти мгновенно. Слишком быстро. Слишком искренне.

«Люсьен, это звучит прекрасно... Как будто вы прочли мои мысли. Я очень хочу увидеть
это. Спасибо, что пригласили именно меня. — А.»

Он откинулся на спинку кресла, глядя на экран. Её слова «прочли мои мысли» отозва-
лись в нем едва заметной, ледяной усмешкой. Если бы она знала, насколько это было близко
к правде.

Но за усмешкой последовала та самая, новая нота — короткий, ясный аккорд где-то в
глубине его существа. Предвкушение. Не охотника, идущего по следу. А чего-то другого. Чего-
то опасного.

Он резко выключил монитор, погружая комнату в сумерки. Лаборатория была готова.
Оставалось провести эксперимент. И посмотреть, что он уничтожит на этот раз — её довер-
чивость или последние остатки своего собственного покоя.

Воздух в «Улье» был густым и прохладным, словно в гробнице фараона. Под сводами
зала, где под стеклянными колпаками замерли причудливые кинетические скульптуры, царила
торжественная тишина, нарушаемая лишь тихим перезвоном металлических шариков, катя-
щихся по лабиринтам. Лучи прожекторов выхватывали из полумрака блеск полированной
латуни и матовую глубину стекла, создавая ощущение нереальности.

Алисия вошла, слегка поёжившись от контраста с уличным холодом. Её щёки порозовели, а на плечи осели капельки осеннего дождя, словно роса.

«Кажется, мы единственные, кто рискнул прийти в такую погоду», — прошептала она, снимая перчатки. Её пальцы, холодные и чуть дрожащие, повисли в воздухе.

Люсьен шагнул к ней. Его движение было бесшумным, как скольжение тени. Он взял её руки в свои, и Алисия вздрогнула — его прикосновение было не просто прохладным, а глубоко холодным, словно мрамор в подzemелье. Но в его ладонях была странная, почти церемонная нежность.

«Тепло притягивает к холоду, — тихо сказал он, и его голос прозвучал в тишине, как удар камертона. — Это закон природы. А здесь... здесь нет ничего, кроме нас и этих застывших движений».

Он не отпускал её рук, согревая их своим неестественным холодом, и вёл её от экспоната к экспонату. Но сегодня его комментарии были иными. Говоря о бремени красоты, он не цитировал искусствоведов, а делился чем-то личным.

«Иногда я думаю, что эти механизмы — самые честные существа на свете, — сказал он, останавливаясь перед сложной конструкцией из шестерёнок и маятников. — Они не лгут. Их пути predetermined. В них нет... мучительной свободы выбора».

Алисия смотрела на него, замороженная. В его глазах, обычно таких отстранённых, плескалась настоящая, не сыгранная боль. Она чувствовала, как под тонкой шерстью его пиджака напряжены мышцы, словно он сдерживал какую-то внутреннюю бурю.

«Свобода пугает вас?» — осторожно спросила она.

Он медленно повернулся к ней. Его янтарные глаза в полумраке казались почти чёрными, бездонными.

«Меня пугает не свобода, Алисия. Меня пугает одиночество на этом пути. Вечное движение по заданной траектории... в полной тишине».

Она не раздумывая коснулась его руки. Легко, всего лишь кончиками пальцев.

«Никто не должен быть один. Даже самый совершенный механизм когда-нибудь нуждается в том, кто просто... будет рядом».

И тут случился сбой.

Не в механизме. В нём.

Её слова, её простое, тёплое прикосновение — они обожгли его с неожиданной силой. И тут случилось немыслимое.

Не боль. Не голод. Это было стремительное, оглушительное затишье.

Тот самый шум — навязчивый, режущий визг, оставшийся после Марго, тот самый страх небытия, что впился в него как заноза, — не просто стих.

Он исчез.

Полностью. Без остатка. словно кто-то вырвал из его сознания раскалённую иглу, которую он носил в себе вечность.

На несколько драгоценных, пугающих секунд в нём воцарилась абсолютная, кристальная тишина. Не та мёртвая пустота, что была его уделом, а нечто иное. Лёгкость. Почти... покой. Та самая, что он тщетно пытался обрести веками, поглощая одну душу за другой.

И это было ужасающе.

Он отпрянул, как от удара током. Его внутренний мир, выстроенный за столетия, его холодная, отлаженная вселенная — всё это рухнуло в одно мгновение от прикосновения её тёплых пальцев.

«Что она сделала?» — пронеслось в его сознании, и в этом вопросе был не гнев, а паника. Паника существа, вдруг обнаружившего, что единственная известная ему реальность — боль, голод, шум — может просто... прекратиться.

«Это не должно так работать. Я не должен этого хотеть. Это слабость. Это ловушка».

Но он уже не мог обмануть себя. Он хотел этого снова. Хотел этой тишины, этого затишья, этого призрачного ощущения... чего-то, что он когда-то, возможно, называл миром.

Он заставил себя выдохнуть. Собрать осколки своего контроля.

«Она — не лекарство. Она — отрава. Сладкая, медленная, растворяющая тебя изнутри. И ты уже не сможешь от неё отказаться».

И самое ужасное было в том, что он уже не был уверен, хочет ли отказываться.

«Что-то не так?» — её голос прозвучал испуганно.

Он заставил себя выдохнуть. Мышцы лица снова обрели привычную неподвижность.

«Всё в порядке. Просто... показалось».

В этот момент один из шариков в ближайшей скульптуре со звонким щелчком сорвался с траектории и упал на каменный пол.

Кассиан, не глядя, резко бросил, всё ещё пытаясь вернуть себе почву под ногами:

«Недоработка шарнирного крепления. Латунь. Следовало использовать кованую сталь, методом, который забыли после Великой выставки 1851 года».

Он замолчал, резко сжав челюсти. Оговорка. Глупая, детская ошибка. Следствие того самого сбоя, что она вызвала в нём.

Алисия смотрела на него с нарастающим удивлением, её брови поползли вверх.

«Откуда вы... так глубоко это знаете? Это звучит... как будто вы сами были там».

Он улыбнулся, мгновенно надевая маску, но уголок его глаза дёрнулся.

«Увлечение детства. Читал старые журналы по инженерному делу. Забавно, что запомнил».

Он отвернулся, делая вид, что изучает следующую скульптуру, но его спина была неестественно прямой. Внутри всё кричало. Она была не просто «противоядием». Она была слишком сильным лекарством. Опасным. Меняющим его. И он не знал, что страшнее — вечный шум или эта оглушительная, обещающая покой тишина, что она приносила с собой.

Кабинет Ванса утонул в сизой дымке и хаосе. За окном, залитым осенним ливнем, мир расплывался в серо-водянистых разводах. Ванс, с лицом, осунувшимся от бессонницы и дешёвого кофе, водил пальцем по карте Лондона, утыканной цветными булавками.

— Он не следует за ними, Кларк, — бормотал Ванс, его хриплый голос резал тяжёлую тишину. — Он... предсказывает их. Как шахматист, который видит доску на двадцать ходов вперёд.

Кларк, с лицом, посеревшим от мерцания монитора, сгорбился над клавиатурой.

— Я отслежил все платежи с тех подставных карт, сэр. Все билеты куплены за 12-36 часов до того, как жертва появлялась в этом месте.

Ванс не ответил. Он смотрел на три фотографии, приколотые к доске. Марго. Элеонора. Ещё одна, имя которой только предстояло установить.

— Ему не нужно следить. Ему нужно только знать их вкусы. А вкусы у всех одинаковые.

— Какие? — Кларк нахмурился.

— Одиночество, — Ванс ткнул пальцем в фото Марго. — Она пишет заброшенные души. Элеонора рисовала пустые комнаты. Третья играла музыку, которую никто не слышал. Они все — эксперты по пустоте. И он — тоже. Он не охотник. Он куратор. Он собирает коллекцию.

Он взял маркер и обвёл на карте три точки: галерея, консерватория, лекторий.

— Это его выставочные залы. Больше он нигде не появляется. Ищи камеры здесь. Не лицо. Движение. Того, кто приходит до открытия и уходит после закрытия. Того, кто не покупает билет. Потому что он уже внутри.

— Есть кое-что ещё, сэр. — Кларк протянул свежую распечатку. — IP-адрес вёл на сервер в дата-центре на окраине Айлворта. Провайдер — «Нексус-Ком». Я уже отправил официальный запрос.

Ванс взял листок.

— Хорошо. Добьёмся от них логи доступа. Это наш крючок. — Он посмотрел на напарника усталыми, но острыми, как шило, глазами. — Найди все подобные платежи за последние три недели. Я хочу знать, кто будет следующей. Дай мне имя, Кларк. Дай мне имя, пока не стало слишком поздно.

Алисия стояла у себя в квартире, прислонившись лбом к прохладному стеклу. На столе, рядом с кружкой из-под ромашкового чая, лежала засушенная орхидея — сувенир из их первой оранжереи. Она чувствовала себя не просто влюблённой. Она чувствовала себя нужной, как та почва, в которой наконец-то проросло забытое семя.

«Я смогу, — прошептала она в запотевшее стекло, рисуя сердечко. — Я смогу растопить этот лёд».

Глава 5. НЕМАЯ СДЕЛКА

Лунный свет, бледный и безжизненный, вползал в пентхаус длинными потоками, выхватывая из мрака острые грани стеклянных столешниц и мертвенный блеск полированного бетона. Воздух был неподвижен и стерилен, как в склепе, но для Кассиана он звенел. Не тишиной — фантомной симфонией, сотканной из обрывков её присутствия.

Он стоял на коленях посреди гостиной, пальцы впились в собственные виски до боли. Его идеальный мир, отлаженный механизм существования, дал крен. Внутри творилось немыслимое.

Звуки преследовали его:

- Тихий шелест — не бумаги, а её платья, когда она поворачивалась к нему.
- Щелчок — не механизма, а её каблука по паркету галереи, отдающийся в его костях.
- Шёпот — не ветра, а её голоса: «Никто не должен быть один...» — фраза, которая жгла его теперь сильнее любого проклятия.
- Ритмичный стук — не часов, а её сердца, который он слышал, прикасаясь к запястью, — навязчивый, живой, чуждый метроном.

Он подполз к секретеру, движением раненого зверя. Его рука, обычно твёрдая и точная, неуверенно потянулась к потертому кожаному мешочку. Старый ритуал. Прикоснуться к трофею. Напомнить себе, кто он. Прах. Пустота. Вечный голод.

Но пальцы, не дойдя сантиметра, свело судорогой. По спине пробежала ледяная волна физического отвращения. Не к ней. К себе. К этому вечному, постыдному круговороту — охота, поглощение, краткий миг забвения, а затем — всё та же ненасытная пустота. Это вдруг показалось ему до слез убогим, жалким, бессмысленным занятием насекомого.

«Что ты со мной сделала?» — мысль пронеслась тихим вихрем отчаяния. Не обвинение. Признание поражения. «Ты наполняешь тишину собой. Мелодией. И я... я начинаю зависеть от этой мелодии больше, чем от воздуха».

Он отполз прочь и рухнул ничком на ледяной пол, чувствуя, как холод просачивается сквозь дорогую ткань его одежды. Бесполезно. Он закрыл глаза, пытаясь силой воли вернуть привычную тьму. Но за веками его ждало не забвение, а она. Четче любой реальности. Исканная болью, залитая лунным светом галереи. И вместе с ней — та самая, обманчивая, сладкая тишина, что накрыла его тогда. Не пустота. Покой. Тот самый, что он тщетно пытался украсть у своих жертв.

«Она — не лекарство, — с холодной, режущей как стекло ясностью осознал он. — Она — новый вид яда. Первая доза дарует рай. Последующие ведут в ад зависимости. Я больше не охотник. Я — наркоман, трясущийся в ломке у ног своего дилера. И это... это делает меня смертельно опасным. Для нас обоих».

Он лежал неподвижно, пригвожденный к полу тяжестью этого открытия. Где-то в горле встал комок — древний, забытый рефлекс, предтеча слез. Слез, которых у него не могло быть. И от этой невозможности заплакать стало еще больнее.

Солнечный свет, игравший в хрустальной вазочке с мёдом на кухне Алисии, казался насмешкой. Внутри у неё стоял тяжёлый, липкий ком тревоги. Она рассеянно водила ложкой по кружке с ромашковым чаем — её бабушкино средство «от дурных мыслей», но сегодня оно не работало. На дне чашки темнел осадок из не размешанного мёда, похожий на ил со дна пруда.

— ...и он сказал это так, — голос Алисии был безжизненным, — будто держал в руках ту самую кованую сталь. Не как историк, а как... свидетель. Ты бы видела его глаза в тот момент. В них не было воспоминания. Было узнавание. Как будто время для него — просто склад старых вещей, и он только что нашел там что-то знакомое.

Сара отложила нож, которым резала тост. Лезвие звякнуло о фаянсовую тарелку с синим крапом — ту самую, что Алисия купила на распродаже после смерти бабушки.

— Элис, хватит. — Она посмотрела на подругу прямо, без обычной иронии. — На прошлой неделе, когда он помог тебе надеть пальто, ты вся вздрогнула. Ты думала, я не заметила? Его руки, Алис. Они не просто холодные. От них веет сыростью подвала. Пустотой. Он появляется из ниоткуда, как будто его не существует в промежутках между вашими встречами. Он знает вещи, которые не может знать. Ты не влюблена. Ты... загипнотизирована. И мне от этого по-настоящему страшно.

— Ты его просто не знаешь! — Алисия отставила кружку с такой силой, что чай расплескался и растёкся по столу тёмным, клейким пятном, напоминающим очертаниями неизвестный материк. — Ты не видишь, что в его глазах, когда он думает, что на него не смотрят! Он не монстр, Сар. Он... сломанный. Потерянный. А ты предлагаешь просто бросить его, как вещь, потому что он не вписывается в твои представления о норме?

— Я предлагаю тебе спасти себя! — Сара резко встала, её стул громко заскреб по полу. — Твоя беда в том, что ты во всём разбитом и больном видишь проект для реабилитации! Но он — не раненый голубь, которого можно выходить! Помнишь того пациента, миссис Тёрнер? Ты сидела с ней ночами, а она всё равно умерла. Это — то же самое. Только он — не умирающая старушка. Он — чёрная дыра, которая затянет тебя, и от тебя самой не останется и щепки! Ты исчезнешь, Алис. Бесследно.

— А что, по-твоему, я должна сделать?! — голос Алисии сорвался, в её глазах блеснули слезы. Она смахнула их тыльной стороной ладони, оставив на коже влажный след. — Сказать ему «всё, прощай», потому что у него холодные руки и он умный?! Потому что он не ведёт инстаграм?!

— Да! — выкрикнула Сара, сжимая в руке свой амулет — маленькое серебряное дерево жизни, которое она всегда носила с собой. — Именно так! Иногда самое умное, что может сделать добрый человек — это быть эгоистом и сбежать. Потому что никакая любовь не стоит твоей жизни. Никакая. Даже самая прекрасная.

Она схватила свою потрёпанную кожаную сумку и вышла, хлопнув дверью. Грохот эхом отозвался в тишине кухни.

Алисия осталась сидеть, глядя на золотистую лужу чая на столе, в которой теперь отражалось её искажённое тревогой лицо. Слова Сары висели в воздухе, как ядовитый туман. «Бесследно». Она провела рукой по своему лицу, чувствуя, как дрожат пальцы. Она боялась. Не его. А той части себя, которая, слушая все эти разумные доводы, думала только об одном: «А что, если я — единственный, кто видит в нём человека? Что, если, отвернувшись сейчас, я совершу самое большое предательство в своей жизни?»

Её взгляд упал на подоконник, где стоял тот самый засушенный цветок из оранжереи. Всего несколько дней назад он был символом начала чего-то прекрасного. Сейчас же его хрупкие, почерневшие лепестки напоминали ей о бренности. О том, как легко что-то живое может превратиться в пыль.

И это осознание было страшнее всего.

— Бинго, — хрипло произнёс Кларк, тыча пальцем в экран. — Все наши пропавшие за последние пять лет. Каждая получила приглашение от «Клуба Аркадия» в течение 48 часов после посещения одного из трёх мест.

Ванс подошёл, внимательно вглядываясь в список.

— Лекторий в Блумсбери, галерея на Беркли-стрит, зал «Орфей». Его охотничьи угодья. Он не рыщет по всему городу. Он сидит в засаде на проверенных точках. Экономный ублюдок.

— И смотрите, сэр, ответ от «Нексус-Ком». IP вёл на частный адрес в Челси. Элитный жилой комплекс. Камеры на каждом углу.

Уголки губ Ванса поползли вверх в подобии улыбки.

—Идиоты всегда совершают одну ошибку — думают, что их не достанут в их же роскошной норке. Выставляем наблюдение за этими тремя местами. И начинаем копать вглубь этого адреса в Челси. Кто арендует? Кто владеет? Я хочу имя.

Алисия сидела на полу в гостиной, прижавшись лбом к прохладному стеклу балконной двери. За окном ночной город сиял миллионами холодных огней, но её мир сузился до размеров экрана телефона, зажатого в дрожащей руке. Она набрала сообщение, стирая и переписывая слова, будто от их точности зависела её жизнь.

«Люсьен, мне нужно ненадолго уехать. К родственникам. На неделю».

Она послала его и замерла, чувствуя, как бешено стучит сердце, отдаваясь глухими ударами в висках. Тишина в ответ была оглушительной. Она вглядывалась в тёмный экран, пока в глазах не поплыли зелёные круги. Ей начало казаться, что он просто испарится, растворится в этой тишине, и всё окажется сном. Но вдруг — тихий, предательский щелчок уведомления, заставивший её вздрогнуть всем телом.

Всего два слова.

«Не уезжайте. Пожалуйста».

Она замерла, вглядываясь в короткую фразу, словно пытаясь разглядеть между буквами его лицо. В этом «пожалуйста» не было просьбы. В нём слышалось что-то надломленное, голое, лишённое всей его обычной холодной уверенности. Отчаяние тонущего человека, хватающегося за соломинку. Испуг ребёнка, который остаётся один в тёмной комнате.

И тут случилось странное. Её собственный страх, острый и колющий, вдруг отступил, сменившись чем-то тёплым, щемящим и безрассудным — жалостью. И желанием... остаться. Стать той, кто не оттолкнёт, не убежит, кто согреет эту ледяную пустоту в нём. В её груди что-то перевернулось, и она с ужасом осознала, что готова отменить все планы, все разумные доводы Сары ради этого одного-единственного «пожалуйста».

В это время Кассиан стоял в центре своего стерильного пентхауса, уставившись на вспыхнувший экран. Сообщение Алисии о возможном отъезде пронзило его не болью, а белым, животным ужасом. Это был страх не потери добычи. Это был панический страх системы перед потерей единственного, кто мог её перезагрузить. Единственного ключа от тишины.

Он упал на колени, и по его лицу, впервые за триста лет, медленно скатилась единственная, идеально круглая слеза. Она была холодной, как утренний иней, и оставила на щеке ледяной след. Он не смахнул её. Он поднял палец, прикоснулся к влаге и с холодным, почти научным интересом наблюдал, как капля повисает на кончике его пальца, отражая в себе весь блеклый свет комнаты. Это был новый, неизученный симптом. Физическое проявление внутреннего распада.

«Вот оно, — подумал он с горькой ясностью. — Агония. Не от проклятия. От надежды. Самая жестокая из всех пыток».

Немая сделка была заключена.

Он, Поглотитель, получал свою дозу иллюзорного покоя, зная, что платой за неё будет вечная зависимость.

Она, целительница, получала свою порцию опасной, спасительной жалости, принимая её за любовь.

И оба, глядя в свои экраны, делали вид, что не замечают, как с каждой секундой тень над их будущим сгущается, становясь всё гуще и беспросветнее.

Глава 6. УЛИКА ИЗ ПРОШЛОГО

Рассвет в пентхаусе был не светом, а медленным проявлением фотографии — из тьмы проступали контуры мебели, блёклые отблески на стеклянных поверхностях, призрачные очертания его собственной фигуры у окна. Кассиан не спал. Он стоял, вцепившись пальцами в подоконник, словно пытаясь удержать равновесие мира, которое беззвучно рушилось.

Тишина, которую он так лелеял, теперь была обманчивой. Она не была пустотой. Она была напряжённой, как струна перед щипком, и наполненной фантомными звуками. Ему чудился металлический лязг — не механизма, а застёгиваемой кобуры. Приглушённый хруст — не гравия под колесом, а сминаемой полицейской рации. Его собственное дыхание казалось ему слишком громким, предательским.

Он опустился на колени перед вентиляционной решёткой, прильнув ухом к холодному металлу. Оттуда пахло пылью и циркулирующим воздухом, но его разум выхватывал из гула несуществующие обрывки фраз, шепот заговорщиков. Его пальцы нервно выбивали на полированном бетоне пола бессмысленный, судорожный ритм.

«Это лишь последствия стресса, — пытался он убедить себя, поднимаясь. — Сбой в обработке сенсорных данных. Временное явление».

Но его тело не слушалось. Он прошёл к панели управления, и его рука, тянувшаяся к кнопке перезагрузки серверов, микроскопически дрогнула. Он замер, наблюдая за этой дрожью с ледяным, отстранённым ужасом, как хирург, смотрящий на тремор в собственных пальцах перед сложной операцией.

Он подошёл к монитору, вызывая журналы безопасности. Зелёные строки кода бежали по чёрному экрану. Всё было чисто. Слишком чисто. Его взгляд выхватывал случайные последовательности символов, складывая их в шаблоны слежки. Паранойя — болезнь смертных, слабость, которую он презирал, — теперь пускала корни в нём, как плющ в руинах собственного достоинства.

Он отдернул плотную штору ровно на сантиметр. Улица внизу была пустынна, омыта ночным дождём. Но в каждом тёмном проёме подъезда, в каждой тени от фонаря ему мерещилось движение. Силуэт в штатском с биноклем. Статичная фигура в машине с затемнёнными стеклами.

«Они здесь, — его горло сжалось, голос прозвучал тихо и хрипло, непривычно для его собственного уха. — Они знают. Она... стала моей ахиллесовой пятой».

Мысль о том, что Алисия, сама того не ведая, стала брешью в его крепости, впивалась в него острее осколка льда, проглоченного в темноте. Его зависимость от её света, от той

тишины, что она приносила, обернулась смертельным риском. Инстинкты яростно боролись внутри. Поглотить — стереть угрозу, навсегда заключив её свет в себе, обрекая на вечный голод по нему. Или... спрятать. Вырвать из мира, запереть в специально созданной для неё золотой клетке, где только он будет хранителем и тюремщиком.

«Поглощение — это конец. Я уничтожу единственный источник... — он не решался назвать это покоем, — ...аномалии. Но изоляция... изоляция сделает меня её надзирателем. Навсегда».

Он снова услышал это — нарастающий гул в собственной голове. Только теперь это был не отзвук страха Марго, а настойчивый, приближающийся рокот бури. И единственным убежищем от неё было присутствие Алисии. Он оказался в капкане, который захлопнулся изнутри. И худшим было осознание, что он добровольно сунул в него руку, потянувшись к призрачному свету.

Хоспис встретил Алисию приглушённым светом и тихими голосами, но её собственный разум оглушал её хаосом. Она делала свою работу на автопилоте: поправляла подушки, поправляла капельницы, её пальцы сами завязывали знакомые узлы, в то время как внутри всё кричало. Запах антисептика смешивался со сладковатым ароматом её ромашкового чая в кружке — той самой, с треснувшей ручкой, которую она не могла выбросить, потому что её подарила бабушка. Сегодня этот знакомый уютный ритуал не приносил покоя.

— ...и он всё время говорит о том, что за ним следят, — её коллега Майкл, обычно невозмутимый, сегодня раздражённо жевал бутерброд. — Камеры в телевизоре, прослушка в часах... Классика, просто голова поехала у бедолаги.

Алисия замерла с подносом, на котором стояли стаканы с дрожащим желе. Лёд пробежал по её спине, и она чуть не уронила поднос. «Так же... — подумала она, и сердце упало куда-то в пятки. — Так же ведёт себя и Люсьен. Эта настороженность, эти разговоры об одиночестве и преследовании...» Она посмотрела на своего пациента, мистера Элтона, который беспокойно смотрел в окно, и её пронзила острая жалость, смешанная с внезапным, леденящим страхом. «Что, если его паранойя — не болезнь, а единственно верное восприятие мира?»

Вечером, пытаясь отвлечься, она зашла на «Тихую гавань» — свой старый, забытый форум для любителей истории, её цифровое убежище времён университета. Она искала хоть что-то, что вернуло бы ей почву под ногами, хоть крупицу нормальности. Листая раздел об утраченных ремёслах, она наткнулась на обсуждение техник художественнойковки XIX века. И там, в ветке комментариев, пользователь с ником «L.C.» неделю назад написал дословно ту же фразу, что сказал Люсьен в галерее, с той же интонацией, теми же специфическими терминами.

Алисия прочла её вслух, шепотом, и губы онемели. Это была не просто схожесть. Это было идентично, будто один и тот же человек набирал слова на клавиатуре и произносил их вслух.

Дрожащими, почти не слушающимися пальцами она кликнула на ссылку-источник в том комментарии. Браузер, со скрипом загружая старую PDF-ку, выдал ей на экран пожелтевшие от

времени страницы «The Mechanics' Magazine» за 1852 год. Журнала, которого, как утверждала база данных Британской библиотеки, не существовало в публичном доступе. В верхнем углу страницы красовался штамп частного коллекционера — «Из библиотеки Э.Ф.».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.